

Ловля ветра

Автор:

Андрей Валентинов

Ловля ветра

Андрей Валентинов

«Белесый камень и седой песок,

Руины стен, обломки капителей...

О Херсонес! Давно твой минул срок,

Твои века в забвеньи пролетели...»

Андрей Валентинов

Ловля ветра

Камни Херсонеса

Первая тетрадь

1987 г.

Камни Херсонеса

Белесый камень и седой песок,
Руины стен, обломки капителей...
О Херсонес! Давно твой минул срок,
Твои века в забвеньи пролетели.

Не пощадил твоих героев рок.
Их память стерта, кости их истлели.
И опустел твой каменный порог,
И ты застыл без смысла и без цели.

Но я-то что ищу среди камней?
Следы былого, тень ушедших дней,
Свет истины? Темна времен завеса.

Ни век, ни миг не повернуть нам вспять.
Все позади, и не могу понять,
За что люблю я камни Херсонеса.

* * *

Сухою кладкой сложена судьба,
Непрочно все и шатко без замеса.
Борись, борись, но вся твоя борьба
Бесплоднее, чем камни Херсонеса.
Бесмысленна о прошлом ворожба.

Слова не камни – не имеют веса.

Сотру надежду, словно пот со лба,

И позабуду искушение беса.

Ах, Херсонес! Штиль много дней подряд.

Но берегись – здесь море дарит яд,

И солнце ядом прожигает кожу.

Луна – и та на череп тут похожа.

Здесь царство Смерти. Милосердья Бог

Сюда прийти, наверное, не смог.

Археологи

Мы рушим стены и долбим кайлом —

Наследники громилы Едигея.

Мы разоряем этот старый дом,

К ушедшим сострадания не имея.

Но Город мстит тем, кто творит разгром,

Белесой пылью нам навстречу вея.

И в наших душах – тот же страшный слом,

Все рушится во прах, расцвести не смея.

Из старых досок смастерю я плот.

И прочь отсюда, курсом на восход!

Пусть ветер рвет измятую штормовку!

Но поздно, поздно! Вся душа в пыли.

Мы сами, словно камнем, обросли,

И Мести Бог захлопнул мышеловку.

Amor Chersonesis

Здесь Афродите ныне царства нет,

Царит Астарта над поганым стадом.

Не мил им солнца благодатный свет,

Лишь ночь мила, лишь ночь им всем отрада.

Но трепещи, мой чувственный сонет!

Здесь чувства нет, лишь страсть – венец парада.

О Херсонеса горделивый цвет —

короткий флирт, поспешная награда.

Как змеи, судьбы здесь плетут клубок.

Его распутать сможет только Бог,

И лишь архангел кладенцом разрубит.

Средь этой пыли чувствам не расцвести.

Вперед, ребята, что нам стыд и честь!

И вновь Астарта наши души губит.

Херсонесские охотники

Здесь дичи нет для смазанных стволов.

Иные жертвы молят о пощаде.

Страшной свинца бывают залпы слов.

О страсть к победе! мысли о награде!

Изысканней не видел я ловцов.

Тут маски – как на бале-маскараде.

О шайка горделивых подлецов!

Бесстыдный не останется в накладе.

А жертвы что? Их должно пожалеть?

Но полно, разве их волочит сеть?

Иль первые они в подлунном мире?

Ох, обличитель, ну давай, кляни!

Пиши, пиши – да на себя взгляни —

Ведь ты и сам в охотничьем мундире.

* * *

Блаженный муж не идет в Херсонес,

Блаженный муж свернет другой дорогой.

Кому не мил сероколонный лес,

Тому не знать вовек печали многой.

Но мы, все те, кого морочит бес,

Спешим достигнуть этого порога

Под сенью жаром пышущих небес,
Средь баз военных, пляжей и острогов.

Херсонеситы нынешних времен,
Все те, кто в этот серый ад влюблен,
Как к нам прилипла чертова зараза?

Наверно, тени греческих богов,
Пройдя сквозь дали сумрачных веков,
Явились к нам, чтобы похитить разум.

* * *

Отбросим кожу, тело ни при чем,
Не мы себя в реторте отливали.
Не может тот считаться богачом,
Кому Вы только тело отдавали.

Но там, под кожей, бьет душа ключом,
Но хода нет, замки покрепче стали.
Железный век! Ты был нам палачом,
И души наши близкими не стали.

Кругом лишь камни с ликами людей.
Средь них блуждать нам до последних дней.
Я не услышу Вас и не отвечу.

Есть только пропасть, мост меча острей.

Все позабыть! Бежать туда скорей!

Но шаг неверен – камни мчат навстречу.

* * *

Нам не бывать ни в дружбе, ни в родстве.

Сестренка, как мы оба опоздали!

По жизни, как по выжженной листве

Прошли, и вот друг друга не узнали.

Другим, счастливым, быть на торжестве

В изгибе фрака, в шелесте вуали.

А мы с тобой, сестренка, в меньшинстве

И вечно порознь в грусти ли, в печали.

Глумливый хохот и собачий лай

Отпущены с избытком, через край

Всем тем, кто портит благолепье стада.

О мирный уголок земного ада!

У Флегетона – огненной реки

Мне не успеть подать тебе руки.

* * *

Когда я, наконец, вернусь назад,

Мне снова тосковать без Херсонеса.

Пускай не получить вовек наград

На этих скалах без воды и леса,
Но херсонесской ностальгии яд
Погонит вновь от всех чудес прогресса,
И через год, который раз подряд,
Вернусь на землю Девы и Ареса.

Пусть будет так. Пусть вновь жара кипит
И Гелиос сквозь пыль глаза слепит,
Не привыкать! Иного ждать нелепо.

Но призраки прошедших похорон
Пускай не переступят грань времен
И тихо спят в своих далеких склепах.

Херсонес – 87

Здесь ссоры мелки, поводы скучны,
Актеры без души играют роли.
О царство мелкой свары и неволи!
Здесь скука отравляет даже сны.

На языках у сплетников мозоли...
Цунами бы!.. Но нет, увы, волны.
Тут будешь рад приходу Сатаны,
Но ничего нам не изменит доли.

О мирозданья худшая из сфер!
Вот то-то б посмеялся Гуливер!
Готов я позавидовать Икару,
Погибшему за сладкий бред мечты.
Стрелой бы вверх! Немного чистоты,
А там уж, небеса, готовьте кару!

Миледи

Палач не нужен. Проще без него.
И пачкать руки нам о Вас негоже.
Вы сами выжгли на своей же коже
Навеки несводимое клеймо.
Еще Вас встретит в жизни торжество.
Ведь ваша красота, – помилуй Боже! —
Все, что угодно скрыть от глаз поможет,
И только Здесь не скрыть Вам ничего.
Теперь чужая Вы для всех навек.
А Время – справедливый человек.
Слыхали Вы о Пирровой победе?
Здесь Вы – позор для каждой пары глаз.
Перо и деготь ожидают Вас.
Вам не вернуться в Херсонес, миледи!

Прощание

Не быть прощанью легким и простым,
Не скажешь ты с улыбкой: «До свиданья!»
Как будто став на месяц молодым,
Ты снова пьешь отраву увяданья.

О Херсонес! Ты не был золотым.

Под пеплом скуки спит огонь страданья.

Но как горчит костров последних дым!

Как тяжело, как горестно прощанье!

А по ночам болиды небо рвут

И загадать желание зовут,

Но слишком быстро – я не успеваю.

Пускай молчит знамение небес,

Я должен возвратиться в Херсонес.

И выхода иного я не знаю.

* * *

Закат, закат над городом руин.

Кровавый шар сползает тихо в море.

Последний вечер. Я опять один —

Теперь привычка это, а не горе.

Своей судьбы совсем не властелин,
У этих скал я сам с собой в раздоре.
Удачи нет, иду от ссоры к ссоре.
Слова прощанья – как осколки мин.

Последняя царапина свежа.
Я возвращаюсь вновь без багажа,
Все оставляю. Сброшены все маски.

Последний луч касается небес.
Горит, горит закатный Херсонес...
Но сумерки спешат и гасят краски.

Вторая тетрадь

1988 г.

Отъезд

Идем на край полуденный набегом
От суеты прокуренных квартир,
Вновь покидая наш уютный мир
Для встречи с дальним херсонесским берегом.

Дождил ноябрь, январь дымился снегом,

Капель чертила мартовский амфир...

Все – маета и поминальный пир,

Как давний фарс с гадюкой и Олегом.

Поганый омут! Скольких затянул!

Но тем, кто не сломался, не заснул,

Вновь горизонт в цвет золота окрашен.

О карнавал средь херсонесских башен!

Наш день настал. Рюкзак, билет, вагон,

Гудок в ночи. И пройден Рубикон.

Севастополь

Руины здесь отзывчивей людей,

А люди тут бывают жестче камня.

О город штормов, солнца и дождей,

Своей ты недостоин славы давней.

Заброшены гробы твоих вождей.

Твоих соборов сгинул свет алтарный.

Здесь нет хозяев, лишь толпа гостей.

Сердца закрыты, словно в полдень ставни.

Мазут на море – не узнать волны.

Твои бульвары мерзостью полны,

Как будуар дешевой одалиски.

Пускай твои прекрасны торжества,
Ты – лишь Иван, не помнящий родства,
Лишь полигон затей милитаристских.

Украина

Мы, как латынь, забыли свой язык,
Как Парфенон, разрушили соборы.
Тараса мова – лишь базарный крик
И недобитых старцев разговоры.

Все взвешено, кто мал и кто велик,
Затихли о народе нашем споры.
И навсегда отвергнув Божий Лик,
Молчат Святые Киевские горы.

Где те, кто нашу прославляли речь?
Их книги не смогли мы уберечь.
Они, как яд, запряваны в спецфонды.

О Украина, старая вдова!
Скажи мне, ты жива или мертва
В объятиях державной Анаконды?

Tristia

Копай, копай – труха лишь под киркою.

Не встанет из-под праха Илион.

Напрасно рушим дерзкою рукою

Веков ушедших беспробудный сон.

Люби, люби – не знать тебе покою.

Давно уж за спиною Рубикон.

Не плыть нам снова тою же рекою,

Нарушив Гераклитовый закон.

Ах, чаша, чаша... Как ты холодна!

Мне тридцать лет! Пора уж пить до дна,

Все налито, задержка лишь за малым.

Уже зовет печальный Дантов лес.

Зачем к тебе я еду, Херсонес?

Зачем я по твоим скучаю скалам?

Мистический сонет

В долине Жизни режет свет глаза,

А пропасть Смерти поражает мраком.

Никто еще на свете не сказал,

Что будет там, куда уйдем мы прахом.

Как дорога нам неба бирюза,

Как холод глины леденит нас страхом!

О чем молчат немые образа?

Что шепчет нам погост крестовым знаком?

Загробный мир! Ты как спасенья круг,

Все исчезает, тлеет все вокруг,

И на тебя лишь наши упованья.

Несчастный разум! Кто тебя творил?

В стране теней печальных и могил

Немеет наше гордое сознание.

Смерть

Игре конец. Исчезла пелена,

И занавес уж тайны не скрывает,

И тусклая предсмертная волна

Меня последним страхом покрывает.

Пропали звуки. Только тишина,

Бессильный пульс ударов не считает.

Все - жизнь, надежды, лица, имена —

Теряется, бледнеет, исчезает.

О, Господи! Неужто мой черед?

Хотя бы знать, что там, за гранью ждет!

Мои мечты! Я не простился с вами!

Хотя б травой на кладбище взрасти!..

Но поздно. И последнее прости

Не вымолвить застывшими губами.

Молодые Херсонеситы

Ушли гусары, бабники, поэты.

На смену поросль новая идет.

Адепты строгой нравственной диеты

Спешат слизнуть ученых знаний мед.

Им Херсонес – пыль стершейся монеты.

Их пляж в объятья сладостные ждет.

А самый мудрый, несмотря на леты,

С французским лексиконом спор ведет.

Зачем им сказка? Им дороже былль.

Что им раскопов наших грязь и пыль —

Случайный миг, дешевле битой тары!

Смешная штука, эта даль веков.

И жалко им чужащих «стариков».

Прощайте, херсонесские гусары!

Интернациональная общность

Отчизну делим, словно каравай,
Назначенный на стол в честь круглой даты.
Как он прекрасен, наш советский рай!
Что за цветы! какие ароматы!

Но те, кто слишком любят отчий край,
Пред всем народом нашим виноваты.
И чтоб спастись от экстремистских стай,
Готовы в бой советские солдаты.

Эй, генералы! Танки в Ереван!
Дивитесь, пролетарии всех стран —
Еще венок к созвездью нашей славы!

Нам Горбачев сказал: "Забудьте страх!
Умрем, но не оставим Карабах!"
И, как всегда, мы правы, правы, правы!

Старшим братьям

Опомнитесь! Зачем вам целый свет?
От Балтики до Беренгова моря
Империю кроили сотни лет,
С соседями за земли жадно споря.

Не страшен пред Историей ответ?

Неужто сами не хлебнули горя,
Когда тиран, отвергнувший завет,
Глумился, вас на целый мир позоря.

К чему топтать пустынь далеких прах?
Зачем душить Нагорный Карабах?
Ведь вспомните, и вас душили тоже.

Пора бы вам умнеть без дураков,
Чтоб не увидеть в зеркале веков
Ужасный след своей погромной рожи.

День последний

Мы уезжаем. Рать ползет назад,
Чтоб снова гнить в родимых Палестинах.
Мы покидаем наш веселый ад,
Нашкодив всласть на взгорьях и в долинах.

Как скучен многолетний наш парад!
Мы – карлики – стоим на исполинах.
Косцюшко в своем гробе и не рад,
Что первым указал нам путь в руинах.

Здесь столько грязи! Кто тут не бывал?
Шумит, шумит бездушный карнавал.
Что нам святыни, золотая рота?

Мы осквернили всех твоих богов,
О, Херсонес! Прости нас, дураков,
И вновь открой нам старые ворота.

Третья тетрадь

1989 г.

* * *

Шумит, шумит... Негромко, без надрыва

И начинает медленно стихать.

И клочья волн у старого обрыва

Слабеют и ползут лениво вспять.

Заныл рубец недавнего разрыва,

Не надо ни молиться, ни страдать.

Уходят блики странного порыва,

И вновь повсюду грусть и благодать.

Своей судьбы листаю апокриф.

То, что случилось, призрачно, как миф.

Далекой тени легкое касанье...

Прощальный ветер, снова тишина...

Что ты мне дашь, бесплодная страна,

Где боли нету, есть лишь угасанье?

Четвертая тетрадь

1990 г.

Мой карнавал, мой сумасшедший дом,
Мой Херсонес, античных мумий свалка!
Весь год меня морочил твой фантом,
Да так, что на Крещение было жарко.

Нельзя тебя оставить на потом.

Катит июль – и вот пошла запарка.

И снова в нашем таборе крутом

И лай, и свист – почище зоопарка.

Ах, три звезды!.. Погасли три звезды...

Три Парки снова дернули бразды.

Темнее стало – только отсвет ада.

Здесь шутят ведьмы – ах, страна теней...

Моя фортуна – что мне делать с ней?

И снова, снова бесится цикада...

Остров Крым

Блеск лютой славы этих берегов...

Багровый отблеск проклятых рассветов

Для тех, кто веря милости врагов,

Держали тут последний из ответов.

Здесь Кун, Землячка, Юра Пятаков,

Блюдя наказ вождя страны Советов,

Спасали Красный Крым от вражьих ков,

Дыша свинцовой милостью декретов.

Собаки рыли свежие холмы,

Жирели рыбы средь подводной тьмы,

И тешились герои Перекопа...

Студенты, офицеры, юнкера —

Всех поглотила черная дыра,

Мальмстрим средь бури Красного Потопа.

Курортный роман

1. Сонетик под гитару.

Ах, не попадя, нет, ах, не походя

Раскадрим-ка мы карты пасьянстиком,

Чтобы ясно все стало без копоты

С адьюльтерчиком, с мезальянстиком.

Пропади ты все прошлое пропадом!

Пела ночь не романсом – романсиком.

И что делалось – делалось шепотом,

С извиненьицем, с реверансиком...

Ах, курортная пошлость в тиши!

Ночью женщины все хороши,

А что утром – не наши заботы.

Карты брошены – время в обрез.

Вновь авансы дает Херсонес,

Вновь открылся сезон для охоты...

2. Режиссер.

Я режиссер, и мне же здесь играть.

А, впрочем, роль знакома до копейки.

С тобою в паре нам крутить опять

Трагедию насчет судьбы-индейки.

Провинция – здесь труппы не собрать.

И фабула – лишь пошлые идейки.

Но мы сыграем, будто время вспять,

Руины, ночь, и двое на скамейке.

И ты, играя нежно, без труда,

Мне, улыбнувшись, скажешь: «Никогда».

Слеза из глаз. И жизнь навек разбита.

Прощальный взгляд – ну, опыт, выручай!

А перед сном неплохо б выпить чай...

Все! Занавес! Комедия финита!

3.

Щенячий визг от прелести колонн

Проходит вместе с первым взмахом кирки.

И девочка, в которую влюблен,

Мила порой до первой же развилки.

В разгаре херсонесский марафон.

Здесь ничего не жаль – громи копилки!

Нелепа явь, бессвязен ночью сон, —

Мы снова здесь. Мы вырвались из ссылки.

Хотел ли я, хотела ль ты сама

Сойти с ума, как я сошел с ума?

Пусть будет так. Судьбе я не мешаю.

Как все это нелепо. Боже мой...

И вот судьбу, не ставшую судьбой,

Я снова до развилки провожаю.

4. Киносъемки в ночном Херсонесе.

На душе тяжело. Даже ночь не моя.

Бьет прожекторов свет, и шумит балаган.

Суетою отравлена эта земля.

Этот древний фиал – как окурков стакан.

Надо ночь им украсть, видно, мало им дня.

Лилипутами в плен взят Херсон-великан.

Шторм кипит среди белого моря огня.

И умолк утомленного Понта орган.

Нам с тобою не скрыться сегодня в ночи.

Эту ночь ослепили огнем палачи,

Арлекинами наша обитель полна.

Ночь погибла. И жалко прощаться нам с ней,

Когда рядом – лишь теплая близость камней,

И лицо твое гладит старуха-Луна...

5.

Мы все успели, хоть спешат рассветы.

Семь дней – глоток пылающему рту.

На все вопросы дали мы ответы,

Но страшно все же подводить черту.

Черта черна. Я дописал сонеты

И был готов катиться в пустоту,

Как воду жизни пил бы воды Леты,

Стирающие память и мечту.

Ты знала все, и все простила мне,
И я готов был сгинуть в глубине,
Без чувств исчезнуть, но ведь было, было...

Быть может, нам секунды не хватило...

Спасти бы нас решился только Бог.

Я только человек, и я не смог...

б. Небесный всадник.

Я б выучил этрусский «ди-дер-дас»

Не ради блеска Нобеля медали.

Я написал бы не таясь о нас,

И чтоб глаза чужие не читали.

Дальнейшее – молчанье. Краток сказ.

Руины говорящими не стали.

Трава скрывает клочья наших фраз,

Осколки крика тонут в лунной дали...

Как ты легка, как ты хрупка была...

Но вот беззвучно бьют колокола,

Последний час! И в минус вышло время.

Над всем, что не сбылось, не рассвело,

Презрев судьбу, презрев добро и зло,

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/valentinov_andrey/lovlya-vetra

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)